

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

ИЗГОЙ

Историческая повесть

(Журнальный вариант)

«Фемистокл был чрезвычайно огарён от природы и заслуживает в этом отношении, как никто другой, величайшего удивления».
Фукидид, «История»

1

465 год до нашей эры. Восточное побережье Ионического моря. Начало осени. Ранним утром к морскому берегу медленно двигалась открытая повозка, влекомая парой разномастных мулов. Властитель северо-западной области Эллады, называемой Эпиром, царь Адмет восседал чуть выше своего пожилого гостя, дружески напутствуя его:

— Я думаю, что твоё плавание, да поможет тебе Посейдон, будет вполне благополучным... Жаль только, что с тобою нет родных!.. У тебя ведь есть дети?..

Его спутник, довольно крепкий шестидесятилетний мужчина с густой, в серебряных нитях бородой и курчавой седой шевелюрой, ответил негромко:

— Есть. Два сына и пять дочерей...

Адмет любопытствовал:

— Они остались в Афинах?..

Спутник неспешно кивнул:

— Конечно. Они уже взрослые, и у каждого своя жизнь...

Царь взглянул на идущих по бокам повозки слуг — своих и гостя — и чуть понизил голос:

— А им ничего не угрожает?..

Сосед переспросил:

— Моим детям?..

Царь кивнул. Мужчина усмехнулся:

— Им нет. У нас же в Афинах демократия!.. Изгнали меня одного...

Адмет на минуту задумался, потом уточнил:

— А разве вина отца не ложится на его детей?..

Спутник пожал плечами:

— Ну, ещё чего! Дети тут ни при чём, и я думаю, это справедливо. Вина я один...

— Значит, вся твоя вина досталась только тебе... — царственный сосед слегка улыбнулся. — Пусть так. А разве отцовские заслуги дети не вправе разделить? И почему?..

Гость искоса взглянул на хозяина, вздохнул и задумчиво произнёс:

— Трудно сказать. Это ведь зависит от нравов, принятых в каждой стране... — он на мгновение умолк, потом напомнил: — У тебя есть сын, так?.. — Адмет кивнул. — И он, сын царя, когда возмужает, тоже станет царём... — сосед качнул головой. — И значит, на него перейдёт твоя власть и величие, если они есть... — Царь не возражал, а пожилой мужчина невесело хмыкнул: — Вот так! А в Афинах такого нет... И будь ты трижды славен и знаменит — твои заслуги могут кануть в Лету задолго до твоей кончины... Знай об этом!..

У хозяина округлились глаза:

— Это как? И почему?!..

Гость развёл руками:

— А так. Если ты не оправдал той должности, на которую тебя выбрали, или перестал удовлетворять запросы своих граждан — тебя с позором изгонят! — он ткнул себя в грудь.

Царь озадаченно покачал головой. Один из мулов умерил шаг, возница огрел его кнутом. Море невдалеке лениво накатывало на сонный берег низкие, длинные волны. Собеседники примолкли, глядя поверх головы и плеч возницы, словно отстраняясь от суетных каждодневных забот. Всевластная водная стихия невольно отвлекла их. До набегających на берег волн было два полёта стрелы: где-то около пятисот шагов. А до торгового судна (триеры), медленно колыхавшегося на морской глади, — ещё две сотни...

Оба седока — хозяин и гость — глядя прямо перед собой, думали примерно об одном: каждый понимал, что это последние мгновения, которые они проживают вместе, а что будет потом — известно только богам. Но, будучи людьми весьма далёкими друг от друга и сблизившись лишь волей случая, они едва ли пожалеют о скорой разлуке...

Царь Эпира, довольно молодой, полный сил мужчина, конечно, был, если не рад, зато вполне удовлетворён, что судьба неожиданно свела его со знаменитым скитальцем, слава о котором гремела по всей Элладе. А пожилой гость, нашедший недолгий приют у молодого властителя, был ему искренне признателен, но не желал и не мог остаться тут навсегда. И тому, и другому это невольное сближение не принесло бы радости и спокойствия в будущем.

Солнце ещё не выплыло из-за горизонта, но его робкие, предутренние лучи чуть подсвечивали большой гористый остров далеко в море.

— Это Керкира? — неожиданно спросил гость.

— Да, — подтвердил Адмет. Спутник горделиво улыбнулся:

— Между прочим, его жители обязаны мне миром и покоем... Я когда-то предотвратил войну между ними и коринфянами...

Царь кивнул:

— Я слышал об этом... — он всмотрелся вдаль. — Керкиряне — мои добрые соседи... И твою услугу они не забыли до сих пор...

Повозка, между тем, прикатила на кромку берега. Мулы остановились. Слуги, молча шагавшие сбоку от экипажа, помогли спуститься на землю седокам. Царь и гость оправили хитоны и осмотрелись. Невдалеке, на левом боку, обречённо лежало старое военное судно. Отжившая свой век трирема. Точнее, не лежало, а валялось. И даже не судно, а ветхий остов его, весь в пробоинах и трещинах, рассохшийся и заплесневелый. Мужчины несколько минут молча созерцали жалкие останки.

— Мой покойный отец, Неокл, однажды привёл меня, ещё юношу, в нашу афинскую гавань, показал мне на такое же страшнissime и сказал: смотри, сынок, что бывает с бывшими государственными мужами. Их ждёт такая же судьба, стоит им утратить власть!.. И ничуть не лучше...

Адмет непонимающе уставился на гостя: крупное, обложенное густой, седеющей бородой лицо с зоркими, близко поставленными глазами казалось суровым и непроницаемым. И трудно было понять, что ждёт оно от собеседника? Не получив ответа, мужчина пояснил:

— Он очень хотел отвлечь меня от любых честолюбивых мечтаний...

— Почему? — наконец выдавил царь. Гость пожал плечами:

— Вероятно, отец был по-своему прав... — он вновь пристально и цепко всмотрелся в лицо собеседника. — Но разве можно юного, самонадеянного, дерзкого сорванца удерживать от лихих подвигов? Тем паче если он родился полукровкой?!..

Адмет чуть отступил:

— А разве ты не чистокровный эллин?..

Гость усмехнулся:

— К сожалению, только лишь наполовину. Моя мать была фракиянкой... — он кивнул на одного из скакунов. — Выходит, что я — как тот мул, у которого отец — жеребец, а мать — ослица...

Царь улыбнулся в ответ:

— А по-моему — ничего страшного! У него тоже есть свои достоинства... Мул и сильней, и выносливей коня! Разве не так?

— Насчёт силы не знаю... — гость имел в виду самого себя. — Но терпения и выдержки мне не занимать!

Адмет повернулся к вознице:

— Эти лежебоки ещё не встали, что ли? — он показал на судно, лениво с боку на бок качавшееся на волнах. — А ну-ка, покричи этим шалопаям! Пора и честь знать!

Кучер поднялся с сиденья, сложил ладони рупором и заголосил:

— Эй, вы там, на палубе! Эй, отзовитесь! Вы живы? Эге-ге-гей!..

Мулы испуганно дёрнулись, встревоженно запрядали длинными ушами и едва не опрокинули возницу. Он с трудом удержался на ногах. На корабле, из-под невысокого навеса на палубе, показался рыжебородый человек в коротком хитоне, выпрямился и приветственно помахал рукой.

— Это сам хозяин, — пояснил Адмет и приказал вознице: — Крикни ему, чтобы спустил лодку.

— Эй! — на всякий случай тот взял в руки вожжи. — Лодку сюда подавай! И быстрее!

Владелец корабля тут же нагнулся, видимо, в трюм и отдал кому-то команду. Из чрева судна вынырнула тройка гребцов в просторных рубахах и подобиях штанов, звонко шлёпая босыми ногами, побежала на корму, где лежала небольшая, лёгкая посудина.

— Это твои подопечные? — спросил гость хозяина.

— Нет. Они родом с Самоса. У меня они закупают ячмень...

Солнечные лучи, поднявшись над горизонтом, разом осветили широкую водную гладь, которая заискрилась, засверкала яркими бликами, словно рыба чешуя. В неё шумно плюхнулась утлая остроносая шляпка, и пара гребцов, лихо запрыгнув внутрь, дружно навалилась на вёсла. Гость повернулся к своим помощникам:

— Готовьте поклажу, мужики!

Двое слуг, один чуть моложе, а второй — худой, седой, как лунь, старик с лохматой бородой, космами неприбранных волос и длинным горбатым носом, проворно и согласно сняли с повозки десяток туго набитых мешков. Судя по общему весу и объёму, в них хватало всего: и съестных, и одежных, и обменных, и денежных припасов. Царь критически окинул груз:

— Всё это в лодку вряд ли поместится! — на что гость философски заметил:

— Ну, что ж! Придётся сделать пару лишних рейсов!

Так и случилось. Как только шляпка ткнулась носом в берег, те же слуги с помощью гребцов загрузили её до предела, горбоносый старик тоже влез туда, и шаткая посудина поплыла к кораблю. Гребцы налегали на вёсла с заметным усилием. А на судне команда уже поднимала и закрепляла мачту, расправляла широкий квадратный парус. Освободившись от поклажи, лодка вернулась за очередной партией. Теперь в неё погрузили всё оставшееся, и второй слуга забрался следом.

— Добро, — удовлетворённо заметил гость, — плывите и возвращайтесь за мной.

Когда весь груз подняли на палубу, в лодку спустился сам хозяин и отправился на берег. Гость, заметив его, сказал:

— Царь, прошу тебя, не называй ему моего имени.

Адмет сокрушённо воскликнул:

— И что? Теперь ты всю жизнь будешь скрывать его?

— А что мне остаётся? Таковы уж гримасы демократии.

— Сам виноват. Ходят слухи, что ты был одним из её прямых отцов! Или я ошибаюсь?

— Грешен. Каюсь. И это вынужденная плата за мой опрометчивый поступок! — пожилой мужчина развёл руками.

А лодка с владельцем корабля достигла берега. Гребцы помогли хозяину выбраться на сушу. Рыжебородый сорокалетний мужчина поклонился царю и виновато пояснил:

— Я отдыхал, и мои ребята тоже. Они до темноты трудились на погрузке...

— Триеру надо было ставить не вдоль, а поперёк волны, — лукаво усмехнулся гость, — тогда бы сон был короче...

Замечание было шутивным, но верным. Боковая, ласковая волна заботливо баюкала, усыпляла команду, а качка с носа на корму не давала бы желанного покоя.

Адмет показал на пожилого гостя:

— Возьмёшь к себе на борт этого человека и доставишь его, куда он скажет.

Корабельщик вопросительно взглянул на спутника царя и деликатно осведомился:

— А кто он и откуда, мой повелитель?

И не успел Адмет открыть рта, его гость бросил судовладельцу:

— Ты ведь родом с Самоса? Значит, ты — самосец, — мужчина ткнул себя в грудь: — А я из Афин. Значит — афинянин. Так и зови меня, понял?

Царь Эпира, улыбнувшись неожиданному ответу, успокоил корабельщика:

— Он не пират и не контрабандист, я за это ручаюсь! И за всё тебе заплатит сполна, не тревожься!

Судовладелец показал на шляпку:

— Тогда прошу садиться.

Гость протянул царю обе руки, а тот, не колеблясь, обнял его. Они на мгновение радушно прижались друг к другу, смутно предчувствуя, что расстанутся навеки. Потом гость решительно шагнул к лодке, и гребцы хотели помочь ему, но он ловко перепрыгнул через борт, вовсе не нуждаясь в чьей-то услуге. А корабельщик вновь убедился, что нежданный пассажир — человек бывалый.

— Попутного вам ветра! — воскликнул царь и воздел кверху руки. — И да помогут вам боги!

Судовладелец тоже без помощи гребцов забрался в шлюпку. Один из слуг царя упёрся руками в нос деревянной посуды, а гребцы разом навалились на вёсла...

Сентябрьское солнце уже поднялось довольно высоко, и на корабле всё было готово к отплытию. Команда только ждала корабельщика, деловито спешившего к судну, искоса поглядывая на таинственного пассажира. А тот спокойно и безмятежно смотрел по сторонам, думая о чём-то своём...

2

В свою столицу Додону царь Адмет вернулся под вечер. Проезжая мимо неохватного, ветвистого, широколистого дуба в центре города, у корней которого струился чистый, прохладный родник, царь приказал остановиться. Он покинул экипаж и подошёл к дереву. Этот священный дуб и чистейший источник почитались горожанами как провозвестники самого Зевса.

Невдалеке располагался храм — небольшой, сложенный из камней домик. Оттуда сразу появился жрец — седоголовый старик в просторном хитоне с волосами, схваченными посеребрённым обручем. Приблизившись к царю, он поклонился и спросил:

— Наш повелитель желает услышать голос божества?

Адмет знал, что по шелесту листьев и плеску воды в роднике служители Зевса толкуют предвещание владыки Олимпа.

— Хорошо, — негромко ответил он, — поведай мне его напутствие.

Старик поднял сухой, крючковатый палец, подавая знак ко всеобщему молчанию. Возница, оставшийся в повозке, и пятерка слуг, сопровождавших царя, замерли без движения. Один из мулов коротко всхрапнул, тряхнув чёлкой, а второй осторожно переступил, и оба застыли как вкопанные. Жрец терпеливо ждал дуновения ветерка...

Широкие, величиной в ладонь, листья могучего дерева уже пожелтели, истончали, наморщились, и при малейшем движении воздуха начинали шелестеть наперебой, словно болтливые старухи. И приди в голову какому-нибудь дерзкому богохульнику взобраться на самую верхушку великана, то, пожалуй, с неё бы он, с трудом, но мог разглядеть заснеженную вершину священного Олимпа, где обитал бог-громовец. Но таковых смельчаков и святотатцев, конечно, не находилось...

И пребывай бог-громовец на своём законном месте, а не ищи лёгких, увлекательных интрижек с земными красотками — Ледой, Данаей, Европой или другими, — то, надо думать, он пошлёт желанные сигналы царю Эдипа. Ведь сам небожитель, без малейших усилий, тоже мог лицезреть столицу небольшого государства с пятью тысячами жителей и священным деревом в центре...

Но вот, наконец, налетел зябкий вечерний ветерок, и величественный дуб вначале вкрадчиво зашелестел сотнями полумёртвых, пожухлых листьев, а потом затрепетал, затряс, забунтовал ими. В глазах царя мелькнула тревога. Даже возница и слуги встревожено насупились. И пока могучий исполин стойко выносил дерзкий мятеж своих полумёртвых питомцев, жрец внимательно слушал беспорядочный шум листвы...

Но вот порыв ветра унялся. Переждав мгновение, старик взглянул в лицо царя, в глазах которого застыл недоумённый, тревожный вопрос.

— Тебя ждёт, мой повелитель, желанная, заслуженная слава, — жрец кивнул на исполненное дерево. — Священный дуб не может лгать. Он говорит только правду.

— Когда? — Адмет перевёл дух. — Когда придёт эта слава?

Жрец отвёл глаза, помолчал и спокойно ответил:

— Зевс не сказал — когда... — он поискал слова. — Может, через год или два... Или так случится, что она достанется твоим детям и внукам... Но не пройдёт мимо! Ты же слышал, как он яростно, громко шумел? Священный дуб не может издавать такой звук просто так, по пустякам! А теперь взгляни сюда, — костистый палец жреца указывал на родник у корней великана, — видишь? — царь взглянул: на чистейшем, незамутнённом лоне воды сиротливо плавал жёлтый дубовый лист с загнутыми краями, похожий на маленький кораблик. — Видишь? — повторил старик. — Он почти спокоен и недвижим. Никакие житейские бури не колеблют его... Значит, и тебе ничего не грозит.

Как ни странно, но эти простые, немудрящие слова успокоили царя и вселили в него бодрость и веру.

— Спасибо, отец, — негромко произнёс он, вынул из кошелька на поясе горсть серебряных драхм и протянул жрецу.

Старик принял их, величаво поклонился, кивнул спутникам царя и ушёл в свой небольшой храм. Адмет взобрался на сиденье, возница шлёпнул вожжами по бокам мулов, и повозка тряско покатила по пыльной дороге. Солнце уже убралось за горизонт, и на тихий городок, затерянный в горах, опустились сумерки.

А в душе его владыка тревога окончательно улеглась. Проводив нежданного, трижды знаменитого, но опасного гостя, царь Эпира всё-таки опасался за своё будущее. Только обнадёживающие слова жреца принесли ему желанное успокоение. И

пусть слава о нём не будет греметь по всей Элладе, зато он останется в числе достойных, всеми уважаемых правителей...

3

Приняв к себе на борт необычного пассажира, корабельщик не слишком расстроился. Нелёгкая, полная опасностей и приключений жизнь морского торговца приучила его ко всему. Встречи и стычки с контрабандистами и пиратами, кораблями финикийцев, персов и ливийцев намертво закалили уроженца Самоса. Он научился находить общий язык со всеми, будь то рядовой гребец, кормчий, судовладелец или суровый воинский начальник. Пожилой афинянин, как ему подумалось, тоже был завзятым мореходом. И то, что его сопровождал сам властитель Эпира, прибавляло тому веса и авторитета. Поэтому хозяин проводил гостя под навес, где располагался сам. Через минуту к ним заглянул дюжий кормщик и осведомился:

— Хозяин, мы отплываем?

— Давно пора. Поднимайте, бродяги, якорь...

Кормчий скрылся. А на палубе закипела привычная суэта. Тяжко заскрипел дубовый ворот. Четвёрка гребцов, кряхтя и покрикивая, изо всех сил упираясь в отполированную ладонями крестовину, стала наматывать на него пеньковый канат, поднимая со дна каменный якорь. Судно дёрнулось, плавно заколыхалось, словно вдруг ожило.

— Говоришь, на Форосе твою старушку заложили? — странный гость кивнул на просмолённую обшивку корабля.

— Там, в старой афинской гавани... — негромко буркнул хозяин, слушая голоса на палубе.

— Давно?

— Лет пятнадцать назад, — он посмотрел на гостя. — У тебя тоже своя триера?

— Была. И не одна. Только я их собирал в Пирее...

Корабельщик поднялся и вышел. Гость немного посидел в одиночестве, потом встал и тоже шагнул на палубу. Под лучами нежаркого сентябрьского солнца на судне царил шумная, но слаженная суэта. Подняв якорь, гребцы разбирали вёсла, кормчий уже взобрался к себе на корму и вставлял в уключину рулевое весло. Хозяин зорко следил за всеми.

Пожилой афинянин подошёл к своим слугам, праздно сидевшим на тугих мешках и бесстрастно наблюдавшим за происходящим:

— Поклажу надо бы куда-то прибрать.

— А куда? — спросил горбоносый старик, кивком указывая на корабельщика. — Он ничего не сказал...

— Хозяин! — возвысил голос пассажир. — Скажи, куда нам мешки сложить?

В глазах судовладельца мелькнуло удивление. Он, видимо, считал, что странные прищельцы не станут долго обременять его.

— А где ты собираешься сходить на берег? Неужто в Афинах?

Таинственный гость мгновенно бросил:

— Только не там! — подумал и спросил: — А ты куда направляешься?

— На Хиос. Я продам им ячмень и куплю вина.

Афинянин даже обрадовался:

— Отлично! Тогда и я сойду там. На Хиосе.

Корабельщик удивился, но не подал виду. «Что за чёрт! — подумалось ему. — Этот афинянин всё-таки довольно мутный тип!» Но судно было готово к отплытию, и он небрежно махнул рукой:

— Ладно. Ищите себе место в трюме! — и направился на корму к рулевому.

Пожилой пассажир приказал старику-слуге:

— Полежайте куда сказано и складывайте багаж.

Слуга помоложе спустился в чрево корабля, а гребцы уже уселись за вёсла, захопал и гордо расправился огромный парус. Кормчий скомандовал:

— Всем внимание! Лево гребите, право табань!..

Триера медленно, неуклюже развернулась. Остров Керкира, бывший по левому борту судна, оказался справа. Афинянин, чуть покачиваясь на месте, но крепко держась на ногах, задумчиво смотрел на него, видимо, вспоминая и переживая прошлое.

— К ночи, а может, к вечеру, мы придём на Лефкас, — произнёс корабельщик, неожиданно оказавшийся рядом, — если Эол ветер даст нам добрый.

Остров Лефкас, им названный, стоял на границе Эпира и горной области Ахайя, где находились другие эллинские полисы (города-государства).

— И мы там заночуем? — отвлекшись от памятных воспоминаний, спросил гость.

— Ну да... — хозяин поправился: — Возле него. Там есть отличная бухта...

Парус вдруг резко наполнился ветром, даже мачта натужно, угрожающе заскрипела. Гость качнул головой:

— Ого-го!.. Вот это напор! Эол нам в помощь расстарался...

Дюжий кормщик закричал:

— Гребцы! Суши вёсла! Отдыхай...

Команда дружно уложила свои тяжёлые гребные орудия вдоль бортов и обрадованно расправила плечи. Теперь все могли заняться чем угодно, но непрестанно быть начеку и ждать приказа. Корабль заметно удалился от берега, но отправиться в открытое море всё-таки не рисковал. По законам и обычаям того времени, отважно покорять бескрайние морские просторы могли только пираты и военные суда. «Торгаши» плавали лишь ввиду берега. И вовсе не потому, что боялись открытых, неведомых пространств, а желая иметь счастливую возможность в любой удобный момент приблизиться к городку или деревне на побережье. Продать, купить там нужный товар и взять на борт пассажиров...

Слуги, вернее, рабы афинянина уложили свои мешки. Тот, что моложе, остался в чреве корабля, а горбоносый старик мирно уселся на палубе, привычно скрестив худые, мосластые ноги с чёрными, обломанными ногтями.

— Сикинн, — окликнул его афинянин, — там всё в порядке? Сложили всё целиком?

— Да, мой господин, — негромко отозвался старик, — мы всё уложили как следует.

Рыжий корабельщик поднял брови:

— Он кто — финикиец? Или араб?

— Нет, персиянин, — нехотя ответил странный пассажир.

Судовладелец с утренним любопытством окинул диковинного старика, спокойно и равнодушно восседавшего на досках палубы. Тот лишь изредка поднимал тяжёлые, припухлые веки, отрешённо поглядывая вокруг дремотными, похожими на маслины глазами. Всё происходящее нимало не трогало его, он наблюдал за всем, словно с другого берега или сквозь пелену столетий...

Корабельщик вдруг вспомнил:

— А я купил эту триеру как раз накануне войны с персами... За месяц до Саламинского боя... Вовремя успел, как говорится...

Дремотные глаза старика-перса чуть блеснули, словно он вдруг вернулся на грешную землю. А его господин пристально взглянул на торговца.

— Помню, тогда их царь Ксеркс послал несметный флот... — судовладелец набрал воздуха в грудь. — Наверно, больше тысячи кораблей, никак не меньше! И окружили они эллинские триеры сплошным кольцом! — он раскинул руки, как бы охватывая ими толпу людей или гусиное стадо. — Страшно было видеть!..

— Персидского владыку зовут... — афинянин произнёс с заметным усилием, — Хшарша — «царь царей»... И наш флот был впятеро меньше... Это так...

— Откуда ты знаешь, как его зовут? — подозрительно покосился корабельщик.

Странный пассажир показал на старика-перса:

— Ему это лучше знать...

— А-а-а, ну да... — согласился хозяин. — А почему у нас его кличут Ксерксом?

Афинянин снисходительно усмехнулся:

— В нашем языке нет звука «ша» и буквы тоже... — он пожал плечами. — Вот поэтому так и зовут...

— Он что — попал к нам в плен? — хозяин кивнул на старика. Ему очень хотелось узнать кое-какие подробности, но афинянин коротко ответил:

— Нет. Он перебрался в Элладу задолго до войны с персами... — и, чтобы прекратить дальнейшие расспросы, спросил сам: — А ты тоже участвовал в Саламинском сражении? — он чуть улыбнулся. — Может, на стороне персов? Ведь Самос уже был под властью персидского царя...

— А мне это зачем? — корабельщик охотно пояснил. — Война меня, к счастью, обошла... — он ласково похлопал по тёмному борту старушки-триеры. — По сходной цене я тогда купил в Форосе свою кормилицу... Набрал добрую команду, запасся едой и водой и спокойно отплыл к себе на Самос... Только и всего!..

В его словах не прозвучало ни малейшего смущения или желания хоть как-то оправдаться. Скорее всего, будучи жителем далёкого острова, он не считал себя пламенным патриотом всей Эллады. Афинянин хмуро покосился на него, но смолчал.

— Хозяин! — донёсся зычный голос кормчего. — Кто-то плывёт нам навстречу!..

Судовладелец разом повернулся к носу корабля и пристально глянул вперёд. Прямо по курсу, на расстоянии примерно двадцати стадиев или чуть больше, появилось торговое судно. Вместительная триера шла без паруса, с её боков слаженно мелькали взмахи длинных вёсел, и под ними курчавилась белая пена. А свежий морской ветер дул ей прямо в лоб. Два судна медленно сближались.

Триера, чьим хозяином был самосец, двигалась уверенно и ходко. Её гребцы, а половина из них попросту лежали на палубе или спали, услышав голос кормщика,

подняли головы и с любопытством уставились вперёд. Встречное судно шло тяжело и трудно. Его гребцы, блестя от пота, дугой выгибая нагие спины, резко откидывались назад под грубые рукояти своих непомерно длинных вёсел, надрывались и хрипели, стараясь ничего не видеть вокруг. Даже сама жизнь им наверняка до тошноты обрыдала... Зато счастливцы, плывущие под парусом, с облегчением и радостью за самих себя, смотрели на невольных мучеников, втайне сочувствуя им.

— На Керкиру идут, — уверенно заключил корабельщик.

— А как ты узнал? — любопытствовал афинянин.

— Они движутся мимо нас левым бортом...

Странный пассажир надолго задумался. Видимо, какие-то давние, самые разноречивые воспоминания нахлынули на него. А встречное судно с шумом и плеском прошло мимо.

4

Близился к концу двадцатый год царствования властителя Персидской державы — «царя царей» — Хшаярша, называемого элинами Ксерксом. В своей столице Парса, переименованной ими же в Персеполис — город персов, он возводил себе ещё один дворец. Но основал Парсу его отец — Дарий (Дараявуаш — Добронравный). Владыкой великой державы он стал случайно, хотя происходил из правящей династии, только из её боковой, младшей, ветви. И никак не мечтал о будущей головокружительной карьере.

Его детство и юность прошли в ореоле славы тогдашнего властителя Персии — Великого Кира (Куруша). Это он расширил границы империи от реки Инда на востоке до берегов Средиземного моря на западе, от гор Кавказа на севере до вод Индийского океана на юге. Непрестанно воюя, царь успевал подавлять восстания покорённых племён, вовсе не думая сужать свои неохватные, головокружительные планы.

Уже будучи довольно пожилым человеком, покорив многие страны и усмирив народы, Куруш сам возглавлял передовые отряды своей армии, ведя её на захват новых земель. Подчинив восток и запад, он решил отправиться на север. Обойдя восточный берег Каспийского моря, преодолев мрачную пустыню Каракумы, персидский владыка сразился со степными кочевниками и сложил свою буйную голову на берегах Яксарта (Сырдарья). Было ему шестьдесят три года.

Но, веря в удачу и не собираясь никому уступить, Куруш помнил: вечному везению может прийти самый неожиданный, скорый конец, и потому заранее поделился властью со своим старшим сыном Камбизом (Камбуджией). И после его скоропостижной смерти трон занял старший сын. Но, в отличие от неумного отца, Камбиз не думал беспрестанно воевать и расширять пределы и без того огромного царства. Будучи наместником (сатрапом) Вавилона, он привык к роскоши и всеобщему поклонению.

Но, как на грех, у него был младший брат Бардия. И едва сделавшись царём, Камбуджия узнал, что в Бактрии, где был сатрапом младший брат, назрела смута. Как человек осмотрительный и осторожный, Камбиз тайно приказал устранить Бардию. Убийство было тщательно замаскированным, но ни у кого не возникало сомнений, что коварный старший брат приложил к нему монаршую руку. И всё владычество Камбиза стало чередой непрерывных волнений в разных частях империи. Персидский властитель еле успевал их подавлять. А когда он в очередной раз смог унять восставший Египет, до него донеслись слухи, что умерщвлённый Бардия неожиданно воскрес!

И это сказочное воскрешение многие подданные встретили с восторгом. Тогда-то Камбиз поспешил оставить с трудом замиренный Египет и срочно отбыл в Сузы (бывшие главной столицей), но по пути неожиданно скончался. Видимо, в его окружении были тайные сторонники самозванца. А в Сузах воцарился Лже-Бардия. Новый монарх понравился армии и личной гвардии, кое-кто даже считал, что он и в самом деле младший брат Камбиза. Во всяком случае, какое-то сходство было налицо, вернее, в лице. Настораживала одна деталь: царь был глуховат, но зачем-то старательно прикрывал уши густыми прядями волос. И, говоря с ним, приходилось намеренно повышать голос.

А посещая гарем, новый властитель вёл себя весьма скромно и сдержанно. Не позволяя себе вольных жестов, развязных телодвижений и экзотических поз. Это насторожило в первую очередь наложниц. Отец одной из одалисок научил свою дочь тайно осмотреть царственного владыку. Та, дождавшись, пока Лжебардия уснул, осторожно подняла прядь его волос и увидела, что уши у царя отрезаны. Вероятно, не целиком, но основательно. На следующий день она всё рассказала отцу.

Искушённый и ловкий придворный, покопавшись в памяти, вспомнил, что когда-то, по приказу Великого Куруша, одному из юных магов, некоему Гаумате, царь велел именно это сделать. Причина была забыта, возможно, это было всего лишь рядовое замечание. А маг вовсе не был тогдашним экстрасенсом — магами назывались

представители одного из мидийских племён. А значит, он считался человеком второго сорта.

Бдительному придворному и его сообщникам, среди которых, кстати, оказался Дарий, это миглом развязало руки. Стговорившись, они всемером ночью проникли в гарем, перерезали евнухов и повязали самозванца. Дальше всё пошло обычным порядком: Лжебардию жестоко убили и сразу бросили жребий — кому стать царём? Воцарился Дарий.

5

Неширокое, малолюдное Ионическое море как-то незаметно перетекло в Эгейское, но заметить этот рубеж можно было лишь по обилию островов, усыпавших изумрудно-синюю гладь. Глядя на первый встречный остров (Киферу), торчавший из глубины прямо напротив области, называемой Лаконика, где расположилась знаменитая Спарта, судовладелец сказал таинственному пассажиру:

— А говорят, что спартанцы опять насмерть разругались с Афинами...

Тот с некоторым подозрением взглянул на него:

— Ты это к чему?

— Да просто так... И многим непонятно, почему они то мирятся, то воюют между собой. Чего их вечный мир не берёт?..

— Трудно сказать... Казалось бы, живём на одной земле и нам вовсе не тесно, только живём по-разному... Спартанцы готовы не раздумывая отдать жизнь за свою свободу, а мы, афиняне, знаем истинную цену этой жизни, только не собираемся отдавать её задёшево...

— И сколько же она, по-вашему, стоит? — судовладельца это взволновало всерьёз.

Странный пассажир не торопился с ответом. А судно лениво одолевало сонную морскую гладь. Ветер почти упал, обвисший парус сполз книзу, обнимая мачту. Гребцы дружно налегали на вёсла, но без особых усилий, и кормчий не покрикивал на них, зная, что в этом нет крайней нужды. А под мерный, неторопливый скрип уключин можно было спокойно беседовать.

Из тесного трюма на палубу выбрался старик-перс. Уселся на корточки против своего господина и корабельщика, расположившихся под навесом вблизи носа триеры. Афинянин перевёл на него взгляд, подумал и ответил:

— Вы — торговцы, привыкли всё переводить в звонкую монету, а у каждой жизни есть своя цена... — он показал на перса. — Вот он может оценить себя в сотню драхм, но никто не даст за него и одной...

— Он же старик, — поддакнул корабельщик, — и вдобавок перс...

— А я не продам его и за тысячу! — горячо возразил афинянин.

У судовладельца глаза полезли на лоб.

— Даже за тысячу?! — в его обыденном, мелочном уме никак не укладывалось всё услышанное. Он в который раз оглядел диковинного старика, который наверняка слышал и понимал их разговор, только не выдавал себя ничем: ни поворотом головы, ни выражением глаз, ни движением губ. Сидел и смотрел прямо перед собой потусторонним, туманным взглядом.

Афинянин усмехнулся:

— Скажи, а ты, чем бы ты заплатил человеку, который спас твою триеру от грабежа?

Корабельщик пожал плечами:

— Наверно, заплатил бы четверть... — он немного помялся, — или половину от стоимости товара. По-моему, это неплохо...

Афинянин покачал головой:

— Негусто!

— Это смотря какой товар! — не согласился корабельщик и вдруг вспомнил. — Вот говорят, что за голову этого, как его, — он с трудом произнёс, — Миль-ти-ада, который персов разбил при Саламине, они посулили целых двести талантов!

Собеседник, усмехнувшись, возразил:

— Мильтиад разбил персов при Марафоне, и он уже покойник.

— Разве? — удивился торговец. — Значит, денежки точно пропали... Двести талантов! — он шумно выдохнул. — Это же сколько? Целая гора серебра?!

— Миллион двести тысяч драхм, — почти не раздумывая, ответил странный пассажир, и старик-перс бросил на него короткий взгляд.

— Наверно, этот Мильтиад персам крепко насолил, если таких денег им было не жалко! — судовладелец сокрушённо покачал головой. — И царь их Ксеркс, видать, его люто ненавидел... А как ещё?

— Царём тогда был его отец — Дарий, а Ксеркс пока не думал с нами воевать, — поправил его афинянин.

- А ты откуда это знаешь? Ты что — боролся с ними, что ли?
- Нет. При Марафоне мне биться с персами не довелось. Давно это было. Четверть века тому пошло.
- Торговец с усмешкой взглянул на него:
- Сколько тебе, если не секрет?
- Афинянин улыбнулся сквозь посеребрённые усы:
- Шесть десятков минуло. В отцы тебе гожусь.
- Значит, тогда тебе было всего-то тридцать пять. Самый боевой возраст!
- Собеседник не возражал.
- Согласен, но обстоятельства помешали... Я просто не смог добраться в Марафон вовремя, как и наши союзники-спартанцы. Они ведь тоже не успели к началу битвы.
- Торговец с ехидцей воззрился на него:
- А что вас тогда помирило?
- Афины и Спарту?
- Ну да.
- За нас это сделали персы. Их царь Дарий.
- Это как?
- Очень просто. Царь послал к нам и в Спарту послов с требованием отдать им «землю и воду»...
- Он хотел сделать вас рабами?
- Именно так! В Афинах персов убили, кстати, по настоянию Мильтиада, а в Спарте утопили в колоде, чтобы они сами достали оттуда и землю, и воду. И Дарий пошёл на нас войной.
- Торговец вдруг вспомнил:
- А мои-то земляки уже давно живут под персами, и нечего, не жалуются...
- Кому что нравится... — согласился странный пассажир. — Кстати, твои самосцы воевали в армии Дария. Сам Мильтиад мне об этом рассказывал.
- Сам Мильтиад? А кем он был?
- Афинским стратегом. Он тоже когда-то служил в персидской армии, а потом оттуда сбежал.
- Что ему там не понравилось?
- На этот прямой вопрос афинянин ответил не сразу.
- Трудно сказать... — он покачал седой головой. — Из Афин его изгнали по решению народного собрания. Он наверняка был обижен и зол и потому сбежал к персам. А потом сбежал обратно. Вернувшись домой, Мильтиад пришёл в Совет старейшин и предложил себя на должность стратега...
- И его приняли? — удивился торговец.
- Конечно. Все понимали — началась большая, беспощадная война! — эти слова прозвучали так ёмко и весомо, что у слушателя не нашлось ни возражений, ни сомнений. — Если придут персы — никому не будет спасения, — афинянин чуть сбавил тон. — Поэтому в Марафон отправились все здоровые мужчины. Даже знаменитый поэт Эсхил, вооружившись чем сумел, пошёл туда вместе с братом...
- Торговец молчал, но его красноречивый, взыскующий взгляд упёрся в лицо рассказчика, и тот, поняв его, негромко ответил:
- А я остался защищать Афины...
- Значит, в свою победу вы не очень-то верили?
- На войне случается всякое... Персидская армия была огромной, испытанной во многих боях... И если бы не Мильтиад — от всей Элады ничего бы не осталось, уж поверь мне!..
- Для судовладельца это прозвучало откровением:
- И что же он сделал? — ему страшно хотелось узнать какие-то впечатляющие подробности.
- Перед Марафоном есть большая, гористая равнина. Мильтиад поставил своих гоплитов наверху, растянул строй и заставил их с боков упереться в завалы из срубленных деревьев и острых кольев...
- Зачем?
- Чтобы персидская конница не взяла греков в кольцо. Он прекрасно изучил их тактику... — рассказчик покосился на старика-перса. Тот кивнул седой, косматой гривой. — И так они простояли три дня, — афинянин развёл в стороны обе руки, одной показывая своих соплеменников, другой — их грозных противников. — Мильтиад ждал спартанцев, но те не пришли. И тогда он бросил гоплитов в атаку! Те бегом понеслись на врагов...
- В полном вооружении? — не поверил торговец. — В шлемах, доспехах, с мечами и копьями?!
- А как ты хотел? — усмехнулся странный пассажир. — Персы ведь не думали

встречать их объятиями... Они тоже были в полном боевом облачении и числом раз в пять больше... Вначале наши рассекли врагов надвое, но те сумели выстоять и, в свою очередь, стали теснить эллинов... — рассказчик явно увлёкся. — Мильтиад приказал обоим флангам развернуться и ударить персам в спину! Тут они не выдержали и бросились к своим кораблям...

6

Узнав о поражении своих войск под Марафоном, Дарий был вне себя. Царь ждал прибытия своих главных военачальников — Артаферна и Датиса, командовавших персидской армией. В своей новой столице Парсе, которую греки звали Персеполисом — городом персов, царь не находил себе места.

Едва ли Парса задумывалась как столица. Скорее, это была своеобразная резиденция восточного владыки. Дараявуаш вначале велел возвести посреди обширной горной долины, при слиянии рек Привар и Кур, три мощные каменные стены, первая — высотой в четыре человеческих роста, вторая — выше вдвое, а третья — выше предыдущей ещё наполовину. Человек, миновав все три стены, оказывался перед массивными каменными лестницами, ведущими в противоположные стороны. А наверх, на огромную каменную платформу, где располагались все парадные и жилые помещения, вели пологие, медленно поднимающиеся ступени, числом по сто одиннадцать в каждой. Сбоку этих лестниц были нанесены красочные рельефы десятков важных подданных восточного владыки, несущих ему богатые дары. Их одежды сверкали лазурью, изумрудом, серебром и золотом.

Медленно и чинно поднявшись наверх, знатные посетители оказывались перед «воротами всех народов». На их массивном верхнем ярусе размещалось внушительное изображение Ахурамазды — «Мудрого Господина», творца всего живого и небесного покровителя персов. Два каменных крылатых быка с золотыми рогами поддерживали высокий свод и одновременно охраняли покои царя от дурного глаза и чёрных мыслей. И в названии ворот скрывался особый смысл — персидский владыка давал понять, что он рад принимать у себя представителя любого народа, живущего под его благодатной властью. А народов этих у него были десятки. Но только персы почитались основой государства, которое простиралось от Гималаев до Кавказа, от берегов Средиземного моря до Индийского океана, включая Палестину и Египет, вплоть до Нубийской пустыни. И там жили миллионы людей, часто мало что знавшие о ближайших соседях.

Пройдя через ворота, счастливцев мог оказаться в торжественном дворце приёмов, названным Ападана. А жилой дворец Дария назывался Пачана (достроил его Хшаярша). На одной из парадных стен в нём красовалось торжественное панно: царь Дараявуаш торжественно принимал главу провинции (сатрапа). Сидя на высоком позолоченном троне, в золотой короне, с посохом в левой руке, а в правой держа великолепный цветок лотоса, он милостиво внимал словам склонившегося перед ним управителя. За его спиной смиренно стоял наследник, зрелый Хшаярша, также с окладистой, густой бородой и с золотой короной (митрой) на голове. В руке у принца тоже был лотос, а за его спиной стоял безбородый евнух, за ним — суровый телохранитель с коротким мечом и луком в колчане и два стражника с мечами и копьями.

Дождавшись, наконец, прибытия проигравших битву военачальников, Дарий встречал их в собственных покоях. Наследник и его старший сын находились вместе с ним, а также верховный жрец, главный евнух, сатрапы соседних провинций, начальник охраны и пятёрка телохранителей. Посрамлённых полководцев провели боковыми воротами, минуя парадную лестницу. И едва они вошли в приёмный покой, низко склонив головы и сделав несколько шагов в направлении трона, на котором сидел властитель, как тут же пали на колени.

Воцарилось тягостное, удручающее молчание, и прервать его мог только сам царь. Однако он не спешил делать это. Вид поверженных, обесчещенных, униженных придворных должен впечатлить всех вокруг. Какой бы проступок ни совершил любой житель персидской державы — будь он жалким рабом или ближайшим сподвижником властителя — гнев царя должен казаться ему страшнее всего на свете.

— Как вы посмели?! — прозвучал в гробовой тишине негромкий, едва сдерживаемый голос.

И все вокруг поняли: оба военачальника не смели проиграть сражения. Датис и Артафрен (сводный брат царя) не отрывали покаянных голов от мраморного пола. — Мои верные «бессмертные», моя лихая конница, мои меткие стрелки!.. — Дарий сокрушённо качал головой в золотой тиаре. Он знал — каждое его слово имеет неизмеримую цену и вес. Оно должно проникать в самое сердце человека, ему подвластного. — Кто тот подлый негодяй, посмевавший унижить меня?!

— Грек Мильтиад, мой повелитель, — с трудом произнёс Датис как старший по

возрасту.

— Кто?! — переспросил Дарий.

— Тот, что когда-то охранял нашу переправу через реку Истр, мой повелитель...

Царь, напрягшись, кое-что вспомнил о бывшем стороже, поставленном оберегать важный участок. Но едва ли знал его лично, тогда ему было не до того. И кто мог предвидеть, что какой-то обычный перебежчик, которых немало, окажется во главе вражеской армии?

— А кто указал вам дорогу на греческий берег? — царю хотелось узнать подробности.

— Грек Гипсий, мой повелитель, — ответил Артафрен.

— Кто он?

— Тоже беглый житель Афин, мой повелитель, — поспешил с ответом Датис.

В Афинах и Спарте проживало по 50-60 тысяч жителей, и они посмели противостоять огромной персидской державе с миллионами подданных! Это казалось Дарию невероятным и непростительным. Он собрался в карательный поход, но вдруг скончался. Воцарился сын его Хшаярша (Ксеркс).

7

Плавание продолжалось уже вторую неделю. Островов в Эгейском море было множество, но странный пассажир заставлял хозяина приставать только к самым небольшим и малоллюдным. Судовладельцу это не слишком нравилось, даже кормчий и гребцы были недовольны. А погода, как на грех, стояла тихая и безветренная. Вероятно, повелитель ветров Эол решил всерьёз отдохнуть, а властитель морей и океанов Посейдон, оседлав своих морских коней, унёсся куда-то далеко.

Корабельщик вновь попытался разговорить афинянина:

— Тот самый Мильтиад, когда победил персов, наверно, стал очень богатым и знаменитым?

— Он и до этого был знатным и богатым. Какое-то время даже правил городом Херсонесом. Его предки происходили из самых известных олигархических семейств. Родословная у него почти от самого Зевса.

— Но ты говорил, что его из Афин когда-то изгнали?

— Было такое. Наши граждане стали подозревать его в намерении захватить власть. Слишком он был деятелен и красноречив...

— Ты говорил, что он умер?

— Мильтиад, как я знаю, скончался от ран, полученных при осаде Пароса.

— Пароса?.

— Да. Вон того бугорка земли.

Далеко в море, на расстоянии примерно трёхсот стадиев, призывно темнел полугогий, невысокий остров.

— Но там, по-моему, нет персов.

— Там нет, но Мильтиаду очень хотелось заставить его жителей вступить в афинский союз.

— А когда это случилось?

— На следующий год после Марафона.

— И они туда вступили?

— Как бы не так! Паросцы так яростно сопротивлялись, что нашим пришлось отступить, а Мильтиад был серьёзно ранен и умер в тюрьме.

— Паросцы взяли его в плен?

— Нет. Тюрьма была афинской.

— Сколько ему было лет?

— Столько, сколько сейчас мне — шестьдесят.

— И все забыли про Марафонскую битву?!

— Многие ему завидовали, говорили: «Лавры Мильтиада никому не дают покоя!»

И на его совести были огромные долги. Именно за них его и посадили...

— И ему ничто не помогло? Даже память о Марафоне?! Как же так!..

— Это, друг мой, называется демократией. Если любой гражданин в чём-либо провинился — бывшие заслуги и возраст не в счёт. А на нём как-никак висел долг в пятьдесят талантов, как говорили.

— Сложная у вас там жизнь!

— Думаю, ничуть не сложнее, чем в других местах. Мильтиаду просто не повезло — родился он в другой семье, на нём бы не стояло этого клейма.

— А ты? — торговец сделал невинное лицо. — У тебя всё было иначе?..

Афинянин подозрительно глянул на собеседника, но тот казался бесхитростен и прост.

— Мой отец был рядовой горожанин, а мать родом из Фракии. Но мне это не ме-

шало жить в своё удовольствие. У отца было своё прибыльное хозяйство. И потом, раз в месяц каждому гражданину выдавалось по десять драхм...

— В месяц по десять драхм? — удивился торгаш. — Откуда? За что?

— Недалеко от Афин, в местечке Лаврион, есть серебряный рудник. Он принадлежит всему городу, и доходы от него раздаются всем коренным жителям.

Это был веский довод. Не так уж плоха эта самая демократия!

— А власть у вас, по-моему, избирается?

— Конечно. Каждый житель города на общем собрании может выбрать своего архонта — временного правителя.

— Почему временного?

Афинянин лукаво улыбнулся:

— Власть, как известно, вещь соблазнительная. И если ты получил её, то непременно захочешь удержать подольше.

Судовладелец решил дать гребцам желанный отдых и, несмотря на протесты загадочного пассажира, приказал бросить якорь в небольшой бухточке у острова Парос. Поздним вечером, когда все мирно улеглись спать, хозяин прошлёпал на корму к дюжему рулевому. Тот, по застарелой привычке, уложил на высокую «банку» тощий тюфяк и готовился «встречать Морфея».

— Как думаешь, Книд, погода переменится? — хозяин хотел сказать: хоть какой-то хилый ветерок, наконец, подует?

— Как бы бурей всё не кончилось. На небо взгляни, — небосвод над морем затянули лёгкие, невесомые облака, сквозь которые тревожно перемигивались далёкие, равнодушные звёзды. — Это её первые гонцы, — сказал кормчий, имея ввиду всю облачную завесу.

С утра повеяло прохладой, и небо сплошь заволокли серые, низкие тучи. Поёживаясь от зябкого рассветного ветерка, афинянин проворно встал с кровати, потирая руки и постукивая босыми ногами. С палубы доносился какой-то негромкий, но интригующий шум, как будто вся команда чему-то удивлялась. Он хотел выглянуть наружу, но под навес просунулась седая голова старика-перса:

— Хозяин, лепёшки и сыр принести?

— Погоди. Что там, на палубе?

— Корабли какие-то мимо плывут, вот эти и шумят.

— Военные корабли?

— Они самые.

— Персидские?

— Нет, наши.

Афинянин осторожно выглянул из своего тесного убежища, желая убедиться в словах слуги, и увидел: на расстоянии в пять стадиев под главным прямым и носовым V-образным парусом при попутном ветре шли десятки трирем, грозных боевых судов, разрезая волну обитым медью грозным тараном. А ветер дул порывистый, очень неровный, и потому им пришлось идти ещё и на вёслах. На каждом из судов, как обычно, было по три ряда гребцов, располагавшихся друг над другом. Верхний ряд — триниты — самые сильные гребцы. Они лихо управлялись со своими тяжёлыми орудиями длиной в десять локтей (около 5 м). Средний ряд — зигиты — чуть слабее, и вёсла у них короче на два локтя (около 4 м). Нижний ряд — теламиты — гребцы не слабые, к тому же зоркие и проворные, способные действовать воедино с теми, кто сидел у них над головами. Вёсла у них были короче на пару локтей (около 3 м).

Три ряда вёсел, числом в несколько десятков, как по волшебству, враз окунались в морскую пучину, словно дружная стая дельфинов. Без малейших всплесков, не касаясь одно другого, они делали общий, мощный гребок и мигом вздымались кверху, как стая летучих рыб. Казалось, будто это какая-то невероятная многоножка невесомо неслась над необозримыми водными просторами, не испытывая даже малейших усилий и перебоев. И ветер ей вовсе не был нужен.

— Хорошо идут! — раздался рядом негромкий, восторженный голос.

Афинянин повернул голову. Судовладелец и кормщик стояли поодаль, любясь проходящими судами.

— Молодцы! — согласился он. — А куда?

— Скорее всего, к Накосу. Афины хотят наказать его жителей за неподчинение. Ты не хочешь к своим присоединиться?

— Вы что, задумали от меня избавиться?

— Кто ты? Зачем прячешься и от кого? — спросил кормчий.

— Я тот, кто разбил персов при Саламине!

— Фемистокл?

— Фемистокл! — горделиво и с заметным хвастовством подтвердил афинянин. — Это за мою голову, — он шлёпнул себя по шее, — персидский царь посулил двести

талантов. Но не вздумайте выдавать меня землякам! Я им скажу, что вы приняли от меня взятку...

Торговец заволновался:

— А зачем ты так? Мы и не думаем тебя никому выдавать. Правда, Книд? — обернулся он к рулевому. Тот угрюмо согласился:

— И в мыслях такого не было...

За бортом дружно вскипали белые, кудрявые барашки, и триеру угрожающе раскачивало.

— Второй якорь надо бросить! — скомандовал корабельщик, и на палубе закипела проворная суета.

8

Ранним утром 28 сентября 480 года до н.э. на горе Эгалео, подошва которой спускалась прямо к Саламинской бухте, на расстоянии, недосягаемом для стрел и копий, уже стоял высокий деревянный помост и на нём — золотой трон. Персидский царь Ксеркс желал видеть своими глазами, как его доблестное воинство будет громить врага. Из донесений своих подданных он знал: до глубокой ночи на кораблях греков не утихали раздоры и споры. Командиры трирем и стратеги никак не могли договориться между собой.

Утро выдалось тихим и безветренным. Персидский флот под командой Ариабигна ещё ночью вышел из афинской гавани Пирей. И на вёслах, обёрнутых тканью, дабы не издавать лишнего шума, приближался к островку Пситталя, подобно большой фасолине перегородившей вход в бухту. Кораблям пришлось разделить, и брат царя подумал, что это лишь небольшая преграда, а дальше всё пойдёт, как должно. Обойдя островок, триремы на вёслах, но с поднятыми парусами грозно двигались навстречу противнику.

Хшаярша (Ксеркс) сидел на золотом троне под балдахином, расшитым золотом. Его окружали вельможи, военачальники и десятки придворных летописцев, должных скрупулёзно заносить на папирус все происходящие события, слова и мысли повелителя.

Сам остров Саламин, за которым молча стоял весь греческий флот со спущенными парусами, располагался слева и походил на огромного морского ежа, внезапно вынырнувшего из морских глубин. Его берега оцетинились десятками кос, грозивших посадить на мель все проходящие суда, и тем приходилось старательно лавировать и сбавлять ход.

Издали вся эта громадная, неспешно наплывающая армада, конечно же, казалась грозной и неодолимой. А приблизившись ко входу в бухту, гребцы и воины, угрожающе размахивая копьями и мечами, издали яростные, оглушающие, разноязыкие крики, исступлённо грозя врагу и ободряя себя.

Хшаярша и вельможи, глядя на всё это, испытывали восторг, предвкушая скорую и сокрушительную победу. Весь же небольшой флот противника, застывший справа от наблюдательной вышки царя, выглядел довольно жалко. Лёгкие, узкие триремы, неглубоко сидящие в воде, с острыми, обитыми медью носами-таранами, казались стаей легкокрылых чаек, рискнувших сразу с целым скопищем грузных, внушительных бакланов. Любому стороннему зрителю заранее виделось, на чьей стороне будет перевес. Тем паче что не на всех судах было нужное число гребцов и воинов на верхних палубах, застывших в гробовом молчании.

Но вдруг из открытого моря донёсся сильный порыв ветра, поднялась и накатила волна. Щедро раздулись и захлопали паруса, а персидские корабли тут же набрали ход и вместо того, чтобы дружно войти в бухту, стали бестолково сшибаться, безжалостно круша и предательски тараня друг друга. Из-за большой волны, налетевшего ветра, высоко поднятой кормы ни один корабль не слушался руля, превратившись в жалкую игрушку.

Хшаярша не верил увиденному. На его глазах — могучая, грозная армада обернулась стадом взбесившихся быков, с криками и воплями бестолково бодавших один другого. Кто-то пытался спустить парус, но безуспешно. Часть судов села на мель, многие, стремясь развернуться, вонзали тараны в бока соседних судов.

А со стороны греков неожиданно раздался громкий, суровый и слаженный напев. Ксеркс обернулся к военачальнику Мардонию, своему дяде:

— Что это?

— Это пеан. Гимн их богам, мой повелитель.

И с этим гимном эллинские корабли разом устремились на врагов. Лёгкие, подвижные триремы с маху врезались острыми носами в деревянные борта финикийских судов, гошлиты запрыгивали на чужие палубы, и начиналась жестокая рубка. Среди бойцов, с мечами и копьями сражавшихся на шатких настилах, был 45-летний Эсхил,

мстивший персам за смерть родного брата, погибшего при Марафоне.

Умело покончив с противником, победители, испачканные в своей и чужой крови, лихо запрыгивали к себе на борт, гребцы разом наваливались на вёсла, трирема сдавала назад, извлекая наружу свой разящий нос-кинжал и, стремглав, летела на очередной таран. А вражеское судно с губительной дырой в обшивке мигом тонуло или переворачивалось кверху дном. И всюду уже плавали мертвые тела с отрубленными руками и ногами, обломки вёсел, куски парусины, щепки и мусор.

Персидский царь был вне себя. Он вскочил с трона, яростно вопил, тряс кулаками. И, как отмечали писцы, рвал на себе одежду и даже волосы.

Брат царя Ариабигн, командующий персидским флотом, находился на самом большом корабле, который сел на мель. Трирема, на которой был Фемистокл, стремительно подлетев к нему, ударила тараном в бок. Персы осыпали её тучей стрел и копий. И обе команды — воинов и гребцов — стали ожесточённо драться. Ариабигн стрелял из лука, метал дротики, был ранен и пытался перепрыгнуть на судно противника, но упал в воду и утонул.

На острове Саламин, куда заранее переправили афинских граждан — стариков, женщин и детей — вначале царила жуткая паника, но видя, как их доблестные соотечественники умело и беспощадно одолевают врагов, они радостными криками ободряли своих и камнями и палками добивали захватчиков, пытавшихся выбраться на берег...

9

— А ты намеренно таранил эту трирему с главным персом? — корабельщик не сводил глаз с рассказчика.

— Конечно, — подтвердил Фемистокл. — Надо было сломить их дух и вдохновить своих. А по-другому никак.

— И это видел сам Ксеркс?

— Наверно. Для него всё было театральным действием.

Триера бодро шла под тугим парусом, оставляя позади цепь островов, называемых Кикладами. Когда-то в этом море, которое называлось Эгейским, а было, на самом деле, одним из заливов Средиземного моря, хозяйничали финикийцы. Им на смену пришли персы, а потом странами афинян и в первую очередь Фемистокла господство на море перешло к грекам.

Фемистокл продекламировал:

*Раздался мощный, шумный клик вдали,
То были эллины — и громогласно,
Им вторя, со скалистых берегов
Аяксовых, отозвалось им эхо...
И сильный страх на варваров напал,
Надежда обманула их, враги
Не думали бежать, но пели гимн,
Величественно, смело выступая
На бой! И можно было слышать крик:
Вперёд, сыны Эллады!
Идите и спасайте от врагов отчизну!
Спасайте же детей и жён,
Жилища гедовских богов,
Гробницы предков, битва всё решит!*

Хозяин спросил:

— Кто это сочинил?

— Эсхил. Он сражался как простой гоплит. А спустя восемь лет написал трагедию «Персы». И один из списков подарил мне.

— Сколько персидских судов потонуло?

— Больше двух сотен.

— А наших?

— Около сорока.

*Посыпались тяжёлые удары,
И опрокидывались кверху дном
Суда. Вкруг было всё обломками покрыто
От кораблей и мёртвыми телами...*

Из трюма показался старик-перс. Судовладелец тихо спросил:

— Ему было не жаль своих?

Герой Саламина бросил короткий взгляд на слугу, потом перевёл его на торговца:

— Есть вещи, о которых не следует задавать лишних вопросов. Он сидел в моей

палатке и молился своему Ахурамазде. Это была бойня... Зато наутро все стратеги и начальники гребцов стали наперебой хвастать своими подвигами и приписывать себе победу...

— Да ну? А ты?

— Обо мне разом забыли. Все как один. Или старались не вспоминать. Так уж устроены люди. Кому захочется признать, что его попросту вынудили проявить отвагу и героизм? Ведь как бывает? — Фемистокл развёл руками. — Припёрли беднягу к стене, а он взял и отбил! Ну разве не герой?

Триера шла, не сбавляя ход. Гребцы, довольные тем, что их работу выполнял попутный ветер, сидели или лежали на палубе. Пятеро играли в кости, слышался смех.

— И после этого боя персы убрались восвояси?

— Как бы ни так! У них осталось ещё с полтысячи судов, и мне пришлось опять пойти на хитрость.

— Какую?

— Мы взяли евнуха из гарема Хшяярша, — старик-перс, услышав это, насторожился. Фемистокл кивнул на него: — Мы с Сикинном завели пленника в палатку, и я сказал евнуху: «Иди к своему царю и скажи ему: стратег Фемистокл не ожидал, что вы не одержите победу. Он очень этим удручён и хочет тебе помочь. Он предупреждает тебя, что греческие корабли намерены идти к Геллеспонту и разрушить переправу, чтобы твоя армия не смогла вернуться домой»...

— И он тебе поверил?

— Я и сам себе не поверил. Но вскоре весь персидский флот потянулся к проливу. Корабль за кораблём. Вот так.

— Но их армия ещё оставалась в Греции...

— Верно. Персидский полководец Мардоний провёл, без особого успеха, ещё несколько шумных сражений, потом его убили, и персы вернулись домой.

— И Ксеркс посулил за твою голову двести талантов.

Фемистокл развёл руками.

Чем явственней и ближе становился азиатский берег, тем тревожнее и задумчивее вёл себя знаменитый изгнанник. И хозяин судна, его кормчий и гребцы замечали это. Зато рабы Фемистокла — фракиец и старик-перс — были спокойны и невозмутимы.

Фемистокл попросил пристать к азиатскому берегу.

— Где именно?

— Есть на побережье такой тихий городок — Кима.

— Знаю. Это в Эолии.

— Вот там бы я и остался.

В конце дня триера вошла в небольшую бухточку, которыми изобиловало всё малоазийское побережье, издавна обжитое греками, и бросила якорь вблизи крохотного городка Кима. Пассажиры не спешили оставлять судно, отправив на берег в разведку своих слуг, а сам остался ночевать на палубе. Утром вернулись перс и фракиец, и по их лицам было заметно, что обстановка на берегу далека от желаемой.

— Господин, — сообщил Фемистоклу фракиец, — все жители сильно встревожены. Они боятся грабежей и погромов!

— Что там случилось?

— Они говорят, что Хшяяршу убили и в стране мятежи и волнения.

Корабельщик сразу предложил:

— А не пора ли поднять якорь? Отойдём, пока не поздно.

— Нет, — ответил Фемистокл, — будем сходить на берег! — и, хлопнув по плечу хозяина, напомнил: — Я должен с тобой расплатиться.

Расплата была щедрой. И, перегрузив всю поклажу в лодку, сделав пару рейсов на берег, а потом распрощавшись с хозяином и рулевым, Фемистокл перебрался в городок. Его провожали все гребцы, стоя на палубе триеры.

10

В Киме изгнанник прожил недолго. Через неделю он, наняв повозку и мулов, переехал в городишко Эги, где жил его давний знакомец Никоген. Тот, встретив знаменитого афинянина, поразился:

— Фемистокл! Каким ветром занесло тебя сюда? Ведь за твою голову...

— Знаю... Но Ксеркс, который посулил эти деньги, говорят, свою голову отдал бесплатно.

— В Парсе творится что-то ужасное! — Никоген сделал большие глаза. — Убили не только царя, но и его старшего сына Дария...

— И кто теперь владыка Персии? У Ксеркса, по-моему, были ещё два сына.

— Артаксеркс.

Фемистокл задумался.

— Ты-то как? — привёл его в чувство хозяин.

— Пути назад для меня нет... Афиняне подозревают меня в том, что я присвоил часть налоговых сборов.

— А это не так?

— Мне грозит повторением судьба Мильтиада. Ему тоже не простили каких-то грешков и сгноили беднягу в тюрьме. Это называется демократией, — собеседники умолкли. Потом неожиданный гость взглянул в лицо хозяина и вдруг заявил: — А может, мне самому стоит получить эти двести талантов и расплатиться за всё?

— Это как?

— А так. Надо явиться к персидскому царю и сказать: я тот самый негодяй, лишивший твоего отца заслуженной победы, добровольно сдаюсь в твои руки, вот моя голова, плати... У тебя ведь есть связи с персидскими вельможами. Ты можешь мне помочь?

— В двух днях пути живёт тысяченачальник Арбазан. Можно отправить гонца к нему...

Спустя месяц тысяченачальник приказал доставить к нему беглеца. Фемистокл, дав своим рабам свободу, в сопровождении Никогена поехал к знатному персиянину. Тот, будучи наслышан о нём и даже повидав его в знаменитом сражении, сказал напрямик:

— Наш повелитель готов тебя принять, но с одним условием: ты выкажешь ему свою нижайшую покорность и смирение...

— Я готов, — мгновенно ответил бывший победитель персов.

— Падёшь перед ним ниц и будешь отвечать на его вопросы, не поднимая головы, — для свободолюбивых греков это было великим унижением, о чем вельможа знал. — Если ты этого не сделаешь, то лишишься головы!

Изгнанник согласился. Тысяченачальник приказал посадить его в закрытые носилки, в которых обычно передвигались жёны и наложницы, и Фемистокл отправился в Парсу. По прибытии его боковым входом провели во дворец Хадиш.

Царь Персии Артахшасса («Владеющий праведным царством») сидел на золотом троне в золотой тиаре, с посохом в руке. Юное лицо его заметно оттеняла тёмно-коричневая растительность, готовая вскоре обратиться в непроницаемо густую бороду. Фемистокл, в сопровождении телохранителей, приблизившись к трону, тут же растянулся на мраморном полу, а через минуту встал и гордо выпрямился. Все придворные оцепенели. Онемел и сам царь. Визирь, взглянув на владыку, толкнул в спину толмача. Тот подошёл к изгнаннику и тихо сказал:

— Кто ты? Зачем явился? Как посмел подняться и молчать?

— Передай царю, что к нему пришёл бедный афинянин Фемистокл, изгнанник, которого преследуют эллины. Много зла видели от меня персы, но и не меньше добра. Это я спас персидскую армию от разгрома, предупредив царя, что эллины готовы разрушить мост через Геллеспонт, — толмач старательно переводил. — Прояви же великодушие, — Фемистокл склонил седую голову. — Сохранив мне жизнь, ты спасёшь человека, пришедшего к тебе с мольбой, а погубив, погубишь того, кто стал врагом эллинов...

Юный царь не дал ответа, сказав, что даст его завтра. Фемистокла увели, и он в отчаянии уже ждал казни. Артаксеркс же горячо молился Ахурамазде, благодаря его за то, что «Мудрый Господин внушает его врагам благие мысли изгонять из своей страны самых лучших людей!» Утром следующего дня беглеца вновь привели в Хадиш, и царь сказал:

— Я должен тебе двести талантов. Приведа самого себя — ты имеешь право получить награду, назначенную за твою голову, — Фемистокл поклонился. Артахшасса продолжил: — Но я дам тебе больше. Есть три города на побережье, где живут эллины. Там нет достойного управителя и сборщика налогов, ты отправишься туда, дабы исполнять мою волю...

Лучшего нельзя было и желать. Для шестидесятилетнего скитальца это стало несказанно щедрым подарком. Три города на малоазийском побережье — Магнесия, Эфес и Пидна — вначале с неприязнью и тревогой встретили нового правителя, но четыре года Фемистокл прожил в мире и покое. А потом к Фемистоклу приехал тысяченачальник Арбазан и передал приказание царя: герой Саламина должен присоединиться к персидской армии против эллинов. Фемистокл ответил, что завтра же отправится в путь. Тысяченачальник убыл, а Фемистокл принял яд.

Спустя пять столетий надгробье Фемистокла в Магнесии посетил Плутарх и оставил свой восторженный отзыв.